

Привет, друзья!

Мы, Борис Прокудин и Филипп Жевлаков, — доцент и клоун. Так знают нас слушатели подкаста «Базаров порезал палец», который мы делаем вместе уже больше трех лет.

Наш подкаст — литературный и терапевтический одновременно. Мы берем литературные произведения, их авторов и героев. Говорим о ситуациях, в которых они оказались, с точки зрения современной психологии, философии и вместе ищем ответы на простые и вечные вопросы, чтобы помочь себе и, если получится, стать счастливее. Чтобы понять себя, наших близких и полюбить этот мир.

Я Борис, доцент МГУ, отвечаю за художественную литературу. Филипп — практикующий психолог, отвечает за терапию. Мы познакомились, когда вместе играли в любительском театре, а сдружились в такси по дороге с поздних репетиций. Филипп тогда жил на Беляево, а я в Коньково. Между нами — одна остановка метро и двенадцать лет разницы. Я человек науки, системный и рациональный. Филипп — практик, мыслящий образами

и интуицией. Из этих факторов рождается «напряжение» нашего подкаста, мы говорим на языке двух поколений: например, я цитирую кинофильм «Место встречи изменить нельзя», а Филипп — «Шрека». Но в одном мы сходимся, поверх возраста и культурных кодов, — в душевности. В наших разговорах нет цинизма или сарказма. Мы говорим искренне и от этого часто наивно.

Идея подкаста возникла в конце 2020 года. Филипп тогда попросился пожить месяцок у меня. Мы смотрели сериалы, заказывали пиццу и плов. У нас даже появился «пловный день» — каждый трудовой понедельник мы отмечали шурпой и пловом. Однажды Филипп спросил меня:

— Что тебя больше всего волнует?

Мы сидели на кухне, он курил в окно. Я сказал:

— Базаров.

В тот момент я писал диссертацию о литературе периода Великих реформ, дело дошло до романа «Отцы и дети», в котором я запутался и никак не мог нащупать решение. Так что это был честный ответ. На что Фил воскликнул:

— Прекрасно! А меня волнует психология. Давай делать подкаст о том, что нас волнует.

Так появился проект «Базаров порезал палец». Мы решили, что не будем ни за чем гнаться, просто станем вместе делать то, что нам нравится, — обсуждать романы.

Вообще-то, идея подкаста возникла немного иначе. Мы с Борисом Александровичем и правда вместе служили в театре. Ездили на метро и много

говорили, обо всем на свете; даже выходили не на своих станциях, чтобы пройтись пешком и договорить. И всегда расставались с чувством, что разговор не закончен.

Потом был опыт совместного житья. Борис Александрович читал лекции в МГУ, а я консультировал подростков, взрослых и семьи у себя в кабинете на Чистых прудах. Вечером, уставшие, мы падали на кухне, заваривали чай, доставали мороженое и начинали обсуждать дела, работу, личную жизнь и т. д. Помню, как в два часа ночи мы ходили по маленькой кухне, снова бодрые, и рассуждали про Онегина, уже тогда называя его нарциссом (нарциссу Онегину мы потом посвятили отдельный выпуск в подкасте). А на следующий день, после репетиции, Борис Александрович подошел ко мне и предложил:

— Давай делать подкаст?

Я ему ответил:

— Надо делать про то, что болит! Про что у тебя болит?

— Про несправедливо лишенную любви русскую литературу. А у тебя?

А у меня болело про психологию. Все эти интернет-психологи и призывы к строительству лучшей версии себя меня просто убивали. Так и родился наш проект.

Помню, как я придумывал название. После университета я недолго работал копирайтером, и старший коллега наставлял меня: делай названия иероглифами. Когда человек разгадывает

иероглиф, он его присваивает и запоминает навсегда. И вот я ходил и думал, какое же название-иероглиф придумать для нашего подкаста о литературе и психологии.

~~Родион взял топор~~

~~Анна едет на вокзал~~

Базаров порезал палец

Меня не покидала тревога: подкаст же надо записывать, монтировать, размещать, продвигать... а мы ничего не умеем.

— Не волнуйся, — сказал тогда Филипп, — надо попросить людей, и, если им понравится идея, они к нам присоединятся.

Мы кинули клич, и начались чудеса. Один за другим к нам стали присоединяться люди. Сначала Настя Медведева. Мы встретились втроем в кафе в переулке у Мясницкой улицы. Я тогда впервые увидел Настю и ее синие волосы. Мы с Филом в тот вечер больше дурачились, чем излагали идею, но Настя сказала:

— Мне нравится, я с вами.

Было позднее лето, нас стало трое. Потом Ксюша, наша подруга по театру, придумала оформление. Кирилл стал писать музыку. Алина — делать иллюстрации (теперь они украшают каждый раздел нашей книги). И никто не просил денег, это был праздник взаимопомощи и труда.

Да, помню нашу первую встречу. Мы дурачились, а Настя сказала: так не пойдет, нужны структура и четкий план. Она помогла нам вывести ту самую формулу, которой мы пользуемся и сегодня. Еще я вспоминаю наши первые посиделки. Мы стали не просто ведущими подкаста, на свет родилась такая маленькая компания, которая изобретает что-то в мамином гараже. Только в нашем случае это была кухня Бориса Александровича. У каждого из нас появились теплые и талантливые друзья, и это тоже был праздник взаимопомощи и труда. Запись каждого выпуска заканчивалась шашлыком и вином.

Мы записали первый выпуск, второй, третий... А к концу сезона обнаружили, что стали лучшим подкастом года по мнению редакции Apple Podcasts. Каждый день мы читали восторженные отзывы и теплые слова о себе в соцсетях. На вечеринки мы приходили как звезды. На нас показывали пальцем и говорили: «Это ребята из Базарова». Тогда же нам предложили издать книгу. Мы долго отказывались: нам казалось, что мы еще не готовы.

Наконец мы созрели, и вот перед вами книга. В ее основе лежит материал, который мы рассказывали в наших выпусках, но печатная версия позволила сделать работу над ошибками и додумать те мысли, которые мы впопыхах вываливали сырыми перед микрофонами. Многое мы поменяли, чувствуя себя поумневшими за последние годы. Мы вспомнили новые истории из жизни, допол-

нили старые. Мы хотели, чтобы книжка по настроению была такой же, как наши выпуски: теплая, серьезная, смешная и наивная. Эта книга рассчитана на людей, которые плачут в кинотеатрах, попадают в нелепые ситуации и верят в то, что все люди когда-нибудь станут братьями.

В книге нашлось место новым и переосмысленным идеям, так что если вы слушали наши выпуски — не переживайте. Например, я для себя переосмыслил отношения с Чернышевским, перестал бояться Льва Толстого и встал на защиту Льва младшего, больше стал понимать про важность детства и эмоции мотоциклистов. Выпуски и книга прекрасно дополняют и перераскрывают друг друга. То, что было прочитано и не понято, может быть услышано и принято, и наоборот.

Наш подкаст и наша книга — это путешествие с любимыми. И мы хотели бы сказать слова благодарности тем, кто эти три года нам помогал: Насте Медведевой, Алине Глушанок, Кириллу Небогину, Ксении Параскевой, Кириллу Логинову, Лене Копцевой, Андрею Албине. Нашим артистам-чтецам: Родиону Барышеву, Павлу Галынскому, Валентине Игнатъевой, Амбарцуму Кабаняну, Карине Кузьминой, Кириллу Митрофанову, Ивану Палитаю, Илье Собакину, Льву Спорову, Екатерине Устюговой, Алексею Фляжникову и Юлии Хлыниной.

Я хочу сказать спасибо папе, Александру Борисовичу Прокудину, моему главному помощни-

ку и авторитету. Когда я чувствую, что запутался и мне нечего сказать, я звоню папе и спрашиваю: а что ты думаешь о Чернышевском? Или: что ты думаешь о Герасиме из рассказа «Муму»? И начинается наш разговор, который течет шумно, как по руслу сибирской реки, а потом вдруг прерывается, и мы понимаем, что проговорили час и оператор нас разъединил. Со всеми сомнительными открытиями я тоже иду к папе. Но если он говорит, что это интересно, я уже не испытываю сомнений. Спасибо за поддержку маме, Елене Константиновне, и сестре Даше.

И отдельную благодарность я хочу выразить моей жене, Хатии Окуджаве. «Жена» — звучит так непривычно, мы поженились всего неделю назад, я еще не успел привыкнуть к кольцу. В последний месяц на нас все навалилось: Хатиа дописывала диссертацию, я — книгу, вместе мы занимались подготовкой свадьбы. Это было суетно и непросто, но мы помогали друг другу, подхватывали то, что валялось из рук. И все получилось. Спасибо тебе, любимая, у нас с тобой все получится!

Я хочу сказать спасибо Кристине Николаевой и Алексею Авдееву, моим друзьям и союзникам в жизни и психологическом мире, которые помогали мне в разработке последних выпусков. Важно было чувствовать, что я всегда могу их о чем-то спросить, даже если я ни о чем не спрашивал.

Отдельную благодарность хочу выразить Натасье Крысько, моему близкому другу, гуру и первому руководителю в психологическом центре,

где я работал с трудными подростками и впервые ступил на психологический путь. В самых сложных вопросах, боясь, но спрашивая, споря и сложно соглашаясь, я находил нужные для себя ответы. Хочу быть как ты, Настя, когда вырасту. Ты есть в «Сто лет одиночества», в «Празднике, который всегда с тобой» и в «Беге» Булгакова, даже если ты про это не знаешь. Хорошо, что мы работали вместе, и хорошо, что, несмотря на то что наша работа осталась далеко позади, ты по-прежнему мой друг и учитель.

Отдельно я хочу поблагодарить Ольгу Войтенко. Эта книга всегда будет ассоциироваться для меня с нашим летним знакомством. Когда я работал над ней, ты работала рядом. Когда я уставал, ты отводила меня в березовую рощу, кормила томатным супом и делала со мной колесо на траве, а потом мы снова садились за работу. Спасибо тебе!

И спасибо тебе, мой дорогой друг Борис Александрович, ты делаешь меня лучше, и без тебя мы не оказались бы там, где мы есть, и я не осознал бы, как важен коллективный труд и творчество. Благодаря тебе я узнал, что честно, наивно и с удовольствием — это также красиво и серьезно. Обнимаю крепко!

Все так, спасибо тебе, родной Филипп Григорьевич! И я тебя обнимаю и учусь у тебя доброте!

А теперь — вперед: любить и сопереживать!

Иван Тургенев

«Муму»

Как говорить о любви,
когда ты нем

Глухонемой дворник нашел собаку, полюбил ее, а потом по приказанию хозяйки утопил в Москве-реке, потому что собака мешала барыне спать. Мы знаем этот рассказ с десятилетнего возраста, он включен в школьную программу пятого класса. И этот факт будто бы делает рассказ «Муму» детским. Но Тургенев писал его не для детей, и сейчас видно, насколько он совершенен по форме и глубок по содержанию. Томас Карлейль, английский философ, назвал «Муму» самой трогательной историей из когда-либо написанных на земле.

Кстати, после выхода рассказа некоторые современники критиковали его за литературные «эффекты», мол, показать смерть собаки — это беспринципный способ разжалобить читателя. Дешевый прием. Однако винить в этом Тургенева глупо, ведь рассказ основан на реальных событиях. Глухонемой дворник в действительности существовал, и собака была, и жестокая барыня тоже. Более того, эта барыня была матерью Тургенева. И описанный дом «в одной из отдаленных улиц Москвы» стоит там до сих пор (на улице Остоженка).

Впервые мать Тургенева увидела Немого в поле, когда объезжала свои владения. Он привлек

ее внимание громадным ростом и мощью, и барыня взяла его в московский дом дворником и сторожем, несмотря на глухоту. Вскоре он сделался московской достопримечательностью, хозяйка восхищалась его силой, благоволила ему и баловала: покупала много красного ситца, потому что Немой ходил только в красных ситцевых рубашках. Но о настоящем Немом мы знаем мало, душа его потемки, а Герасим, списанный с него, стал одним из самых замечательных героев русской литературы.

История Герасима начинается с переезда в город. Нам известно, что Герасим одиноко жил в деревне в небольшой избушке и был лучшим работником, работал за четверых. Он, как спортсмен, получал удовольствие от потного труда. Тургенев с наслаждением пишет, как «поднимались продолговатые и твердые мышцы его плечей», когда он пахал. Косил же он так сокрушительно, что, казалось, молодой березовый лесок скосил бы и не заметил. Крестьянский труд был его призванием. Но тут появилась капризная барыня, решила взять его в городской дом. Делать нечего — поехал.

Привезли Герасима в Москву, купили ему сапоги и дали в руки метлу. Давай, мол, работай. А он не понимает, как жить на новом месте. Тургенев сравнивает его с быком, которого взяли с поля, затолкнули в железнодорожный вагон и куда-то повезли, обдавая паром и искрами. Работу свою он делал за полчаса, а потом не знал, куда деваться. Растерянно стоял посреди двора, затем «уходил куда-нибудь в уголок и, далеко швырнув метлу и ло-

пату, бросался на землю лицом и целые часы, — пишет Тургенев, — лежал на груди неподвижно, как пойманный зверь».

Первая любовь Герасима — Татьяна

Когда мы нанимаем кого-то на работу, берем в ученики или просто оказываем покровительство, необходимо учитывать два важных его качества — зону актуального и зону ближайшего развития.

Зона актуального развития — это навыки, которыми человек уже обладает, а зона ближайшего развития — потенциал, который вы в нем разглядели и захотели помочь раскрыть. Например, если ребенок легко разбирается в математике пятого класса, то стоит предложить ему учебник за шестой. Это нужно для того, чтобы человек не заскучал: «Я это хорошо знаю, мне это понятно». Только надо следить за тем, чтобы человек в новом материале не утонул. В нашей культуре существует интересная тенденция, связанная с зонами ближайшего и актуального развития: если у ребенка пятерка по химии и тройка по математике, то ему нанимают репетитора именно по математике. А если бы наоборот?... Впрочем, это так... лирическое отступление.

В нашем рассказе мужика, который работает в поле за четверых, такого огромного быка, помещают в условия, где зоны ближайшего развития

для него, кажется, не существует. И здесь я впервые замечаю то, с чем мы еще встретимся, — садистский нрав госпожи, хозяйки дома.

Я бы поспорил про садистский нрав. Мне кажется, что госпожа просто капризная и властная женщина, у которой никогда не возникает вопроса, хорошо ли живет Гerasиму в городе. Она делает только то, что ей хочется. И думает только о своем комфорте. Ей понравился Герасим, она его взяла в свою дворню, и теперь ей весело на него смотреть. Чувства Герасима ее не интересуют совершенно искренне. Садист получает удовольствие, когда мучает других. Госпожа о других просто не думает и мучения своих крепостных крестьян чистосердечно не замечает.

Про садистский нрав я, конечно, говорю в переносном смысле. Дело не в том, что она причиняет физическую боль и получает от этого удовольствие. У барыни, скорее, низкий уровень эмпатии. Ты правильно отметил, что она капризная, властная. А еще мне кажется, что она иногда смотрит на последствия своих поступков и тихо смеется.

//////////

Герасим по привычке как-то к новой жизни. Ко всему люди привыкают. Устроил себе каморку и держал двор в чистоте. Вообще Герасим любил

порядок, был человек серьезный и строгий: даже «петухи при нем не смели драться». С остальной дворней он нашел общий язык. А после того как поймал ночью двух воров и так стукнул их лбами, что и полиция уже была не нужна, его все зауважали. Незнакомые люди на улице его боялись и «при виде грозного дворника отмахивались и кричали на него, как будто он мог слышать их крики».

Так Герасим прожил год своей новой жизни, пока не свалилось на его голову несчастье под названием любовь. Огромный Герасим неожиданно влюбился в крохотную прачку Татьяну. Она была худая, белокурая и совершенно забитая. На щеке у нее были родинки, что, по словам Тургенева, «почитаются на Руси худой приметой — предвещанием несчастной жизни...». Татьяне было двадцать восемь лет, ласки она никогда в жизни не видала, работала много, жалованья получала мало. Была смирная, запуганная, всего смертельно боялась. А больше всего боялась Герасима. Когда его привезли в Москву, она чуть не обмерла, глядя на его громадную фигуру, и всячески старалась с ним не встречаться: предпочитала пробежать мимо, чуть не зажмурившись. Герасим поначалу не обращал на нее внимания, потом стал посмеиваться над ее поведением, а потом стал присматриваться к ней и, наконец, как пишет Тургенев, «вовсе глаз с нее не спускал». Почему полюбились она ему, он и сам понять не мог: «кротким ли выражением лица, робостью ли движений — бог его знает». Видимо, сначала она его сместила, а потом

Герасим пожалел ее — такую забитую и запуганную. Вероятно, захотелось ему защитить Татьяну от несправедливого к ней мира.

Тут я вижу любовь угнетенных, или любовь противоположностей, или даже любовь архетипов. Герасим взрывной, большой, огненный, немой, но шумный, а Татьяна маленькая, тихая, «неговорящая», холодная, замерзшая. Однако интересно заметить и их схожесть: он не способен ничего сказать физически, а она — психологически. Мне кажется, в литературе часто создают таких персонажей, которые должны как-то влиять друг на друга. Задача Герасима в этом произведении — сделать так, чтобы Татьяна оттаяла.

Вот однажды пробиралась она по двору, осторожно поднимая на растопыренных пальцах накрахмаленную барынину кофту... кто-то вдруг сильно схватил ее за локоть; она обернулась и так и вскрикнула: за ней стоял Герасим. Глупо смеясь и ласково мыча, протягивал он ей пряничного петушка, с сусальным золотом на хвосте и крыльях. Она было хотела отказаться, но он насильно впихнул его ей прямо в руку, покачал головой, пошел прочь и, обернувшись, еще раз промычал ей что-то очень дружелюбное. С того дня он уж ей не давал покоя: куда, бывало, она ни пойдет, он уж тут как тут, идет ей навстречу, улыбается, мычит, махает руками, ленту вдруг вытащит из-за пазухи и всучит ей, метлой перед ней пыль расчистит. Бедная девка просто не знала, как ей быть и что делать. Скоро весь дом узнал о проделках немого дворника; насмешки, прибауточки, колкие словечки посыпались на Татьяну. Над Герасимом, однако, глумиться